После первой неудачной поездки с ночёвкой мы начали ездить на Красноярское море только по субботам. Мои друзья Александр Васильевич Финогеев по кличке Больной (имел две ходки в места не столь отдалённые, чистил зубы толчёным кирпичом, из-за этого при разговоре изо рта появлялись кровавые подтёки, поэтому и прозвали его Больной), Михаил Анатольевич Худоногов и я поехали на первой электричке до Дивногорска. Там уже нас ждал автобус. Водитель, что увозил рабочих на ГЭС, успевал захватить с собою и рыбаков, едущих до Шумихи. Мы договаривались с водителем, чтобы к шести вечера он забирал рыбаков.

Обычно в выходные дни, когда хорошая погода, рыбаки заполняют автобус битком. У каждого большой рюкзак, санки. Когда едем, я всегда слушаю, что говорят рыбаки, на что ловят, где и как рыбачат. Самое главное для себя — не пропустить мимо ушей: как и где лучше перейти на другой берег моря. Если лёд покрыт снегом, то можно попасть в одну из проталин, которые образуются на месте, где со дна моря бьют известковые родники. Сколько ушло рыбаков под лёд вместе с машинами, пренебрегая предупреждениями и надеясь на русский авось! Я часто слышал, как рыбаки хвалились, что на третьем заливе с правой стороны Енисея хорошая рыбалка.

Мы всё же решили поехать туда, и поехать с ночёвкой. Естественно, тщательно подготовились: сделали маленькие печки, смастерили палатки. Мы Худоноговым решили склеить одну на двоих. На завод привозили щавелевую кислоту в полиэтиленовых мешках. Толщина — семь десятых миллиметра. Надо было швы прошить, но мы решили склеить их утюгом. Склеили, попробовали на прочность — не разорвать. Палатка получилась два на два метра.

Набрали продуктов, прихватили топор и ножовку.

И вот в пятницу добрались до Шумихи. Каждый свои вещи сложил на санки. Дальше вверх по левой стороне вдоль берега прошли с километр. Здесь и тропа на правый берег. К пяти часам вечера добрались в нужное место. Было уже темно. Температура минус десять. К шести часам поставили палатки, предварительно на каждого просверлили по две лунки. Осталось заготовить дрова. Это оказалось самым трудным. Бока залива крутые, да и сугробы снега метра по два. Пришлось идти в тупик залива, там склоны поположе, но дров нет, там уже побывали до нас другие рыбаки. Поднялись на гору, где сухостой добротный. Заготовили немного дров, не предполагая, что погода может испортиться. Напилили дров, сварили ужин.

В палатки забрались после десяти вечера, в надежде на хорошую рыбалку. Но не поймали ничего — ни одной поклёвки. К часу ночи пришлось вылезти из палатки — трубы забило сажей. Разница температур дала о себе знать: в палатке тепло, на улице холодно. Пока чистили трубы, начался ветер, и притом сильный. Чтобы не простыть, опять спрятались в палатке, однако ветер и мороз сделали своё дело. При очередном порыве ветра нашу склеенную палатку разорвало по швам, и мы оказались под чистым небом. Было чётко слышно, как ветер, играя кусками полиэтилена, уносил в темноту по замёрзшему морю нашу недавнюю палатку.

Ветер как будто где-то набирался сил и ждал, чтобы поиздеваться над нами. Что делать? Пришлось идти к косогору, где большой снег. Вырыли в снегу нишу, сели на санки, закутались в остатки полиэтилена. Сначала будто бы согрелись, но ветер и мороз быстро проявили себя. Нам

бы костёр разжечь, да дров нет; забраться бы к Больному в палатку, да куда там! Каждый в шубе, в ватных штанах. Что делать? Опять пошли в тупик залива, где забрались на гору, и по горе в сторону моря. Кое-как нарубили, наломали дров.

Вдали виднелась Красноярская ГЭС. Вот где было светло. А у нас в заливе между двух гор темень такая — хоть глаз выколи. Пришлось держать дрова в руках и на пятой точке спускаться вниз. Когда развели костёр, было уже около четырёх утра. Закутались в полиэтилен, малость нагрелись, бессонная ночь усыпила. Однако к шести утра — замёрзли, костёр прогорел. Кто бы подкладывал дрова, да нет таких. Опять пошли на гору, срубили большое дерево-сухостой. Держась за дерево, по глубокому снегу нырнули в темноту между берегами залива.

Пока занимались лесозаготовкой, разогрелись. Развели костёр и, пригревшись, заснули в снежной нише, закутавшись в остатки палатки. Проснулись от шума: это Шурик топором рубил дрова. Уже рассвело, время около девяти. Погода морозная, градусов пятнадцать, безветренная. Ветер, видимо, ночью делал разминку, разорвал нашу палатку и убежал восвояси. Быстро сварганили чайку, раздавили бутылку водки, плотно закусили. Надо рыбачить, раз приехали за рыбой, но наши лунки за ночь занесло снегом, и они замёрзли.

Пришлось заново сверлить, насыпали прикормки. Пока настраивали удочки, Больной в своей палатке размахивал руками. Это у него шла поклёвка, и он вытягивал из лунки рыбу.

Часов до трёх мы поймали десятка по три окуньков и подлещиков. К трём часам проголодались, опять вскипятили чаю, допили спиртное. Уже в пятом часу начали собираться. Шурик ещё до этого всё упаковал и сложил в рюкзак, привязал на сани. Мы ещё не успели собраться, а он пошёл на другой берег, но не по тропинке, а напрямую по льду моря, занесённому снегом. Нам ничего не оставалось, как только идти за ним. Мы ему кричали, предупреждали, что нельзя идти по снегу. А когда след Больного начал заполняться водой, мы заорали в один в голос. Шурик резко остановился.

От рывка сани ударили Шурика по ногам, и он, не устояв, сел на них. Видимо, наст снега ещё какое то время держал ездока. Он ещё успел развернуться, сделал несколько шагов в нашу сторону, но сани уже пошли под лёд. Шурик провалился, и половина туловища оказалась в воде. Мы с Михаилом легли на лёд. Я подполз ближе, стараясь подсунуть свои сани к рукам Больного. Это хорошо, что моя верёвка, за которую тянул сани, была длиной метра два. Шурик двумя руками зацепился за сани, я потянул его к себе. Но не тут-то было: оказалось, что это я двигаюсь к нему.

Крикнул Михаилу, чтобы держал меня за ноги. Он подполз к моим ногам и уцепился. Видимо, кромка льда под Шуриком была толстая, так как туловище его лежало на льду. Держась руками за санки, он сумел сначала вытащить одно колено на лёд, потом другое. Кое-как оттянули его от полыньи, отползали вместе назад. Если бы кто сверху посмотрел на нас, то, наверное, изумился бы: что это мужики, как черепахи, ползают по снегу?

Когда отползли метров двадцать, встали на ноги. Здесь мы высказали Больному от души всё, что о нём думали. А я даже похвалил того человека, кто дал ему кличку Больной. Это точное прозвище соответствует его действиям. Шурик был в воде не больше минуты, но его одежда сразу покрылась ледяной коркой от мороза. Хорошо, что вода не заполнила ему валенки.

Время было около пяти, сушиться некогда, автобус ждать не будет. Пошли по проторённой тропе, сначала на левый берег, потом вдоль берега до автобуса. Когда пришли на остановку, Шурик был уже наполовину туловища белым.

На остановке рассказали, как попали в полынью. Сколько было рыбаков там — у каждого нашлась своя версия произошедшего. Если записать всё, что они говорили и что вспомнили в связи с этим, то получился бы ещё один большой рассказ. А может, и несколько.

Был 1974 год.